

Было относительно легко сделать длинные обгоревшие инструменты для обработки на следующее утро. Они не были чем-то революционным или слишком сложным, но они могли выступать в качестве приспособлений для того, чтобы вытаскивать металл из огня или, просто используя одну палку, можно было удерживать металл на месте во время работы молотком. Это было просто и грубо, но это работало.

Плоский камень, который нашел Коллекционер, был слишком велик для перемещения, поэтому вместо этого он обустроил свое рабочее место вокруг него. Он выкопал яму в земле, которую затем заполнил щепками, деревом и древесным углем от костра с прошлой ночи. В небольшой уголок, прорытый в сторону, он поместил трубу для выдувания, сделанную из ствола прочного и полого растения, которое будет нагревать огонь.

Молоток был установлен на большой камень, ожидая своей очереди, и толстый кусок зелено-оранжевого цвета меди сверкал в дневном свете. Коллекционер практиковал перемещение этого толстого куска двумя палками, пытаясь понять, как достигнуть баланса между ними и сколько давления использовать. Когда он был уверен, что сможет переместить его, повернуть и удерживать его так, как ему нравится, наконец, пришло время, чтобы начать.

Напряжение и волнение наполнили нас обоих, так сильно мы были готовы приступить к работе. Используя методы, созданные Поджигателем, которые были в дальнейшем усовершенствованы другими поколениями, Коллекционер разжег огонь в яме, внутрь которой затем поместил металлическую руду. Он прикрыл отверстие, герметизировав жар, а затем стал раздувать огонь, потрескивающий с каждым вдохом, через сварочную горелку.

В первый раз, когда он проверил металл, он был не совсем того красного цвета, который он видел в своем видении, в связи с чем он вновь закрыл отверстие крышкой и продолжил поддерживать огонь. Это было немного разочаровывающим, но он надеялся, что это было всего лишь нетерпение с его стороны, а не знак того, что его план был обречен на провал. Через некоторое время после того, как он второй раз проверил металл, он увидел именно то, что так долго ждал. Кусок металла раскалился докрасна. Сияющая переработанная руда выглядела как нечто потустороннее, а Коллекционер был ошеломлен на мгновение, плененный ее чуждым свечением. Для него это было похоже на красную версию синего свечения сердца семьи у ящериц, и на короткое время он задумался о том, сможет ли он связаться с этим металлом также, как наездники связывались с Быстрыми прыгунами.

Он был очарован всего одно мгновение, но тут же вернулся к реальности. Настало время. Точно также, как я показал ему в видении, теперь он видел сам, что мог сделать его реальным, что это было не просто абсурдное видение, которое завело его настолько далеко. Он взял горячий металл двумя своими обгоревшими палками и отнес его к плоскому камню. С характерным шипением палкам удалось загореться от огня из импровизированной печи Коллекционера, но после того, как он опустил металл, хорошенько дунул на них, затушив их тем самым. Они были в огне всего в течение нескольких секунд, так что почерневшее от огня дерево все равно можно было бы применить для подобной работы еще не раз.

Он протянул свою руку к, теперь буквально, сияющему камню, и почувствовал необъятное тепло, излучаемое им. Было опасно дотрагиваться до него, и он уже мог видеть, как верхняя часть плоской скалы становилась черного цвета.

Настал момент истины. Он взял молоток в одну руку и одну обгоревшую палку в другую. При помощи палки он придерживал металл на месте и, поднимая молоток высоко над головой, со

всей своей силы ударял им по сияющему камню. Он ощущал этого всем своим телом каждый раз, когда ударял по нему. Он не сразу начал сглаживаться, было даже не похоже, что он мялся, но он чувствовал, что металл понемногу уступал ему. Он снова поднял молоток и ударил.

Снова и снова он ударял по металлу. Когда жар стал стихать, он перенес металл обратно в свою импровизированную печь, чтобы разогреть его. Его мышцы уже болели, но он не хотел останавливаться. Его форма уже начинала меняться. Та часть, куда он продолжал бить, становилась все более податливой, а ее стороны вздулись от массы, пытаясь избежать молотка.

От напряженной работы температура тела Коллекционера поднялась, и он стал тяжело дышать открытым ртом, пытаясь выпустить тепло, объявшее его чешую. Это была тяжелая работа, но он наслаждался ею. Подобно тому, как металл превращался в нечто новое, Коллекционер ощущал, что менялся вместе с ним. Он разгорался изнутри так же, как металл, и это заставило его чувствовать себя все более связанным с ним.

Пока он продолжал работать над металлом, сглаживая его, чтобы тот имел настолько гладкую поверхность, насколько было возможно, он стал принимать дискообразную форму. Он был переполнен рвением и, хотя его мышцы бунтовали против злоупотребления ими, он не смел останавливаться, пока не закончит. Снова и снова он размахивал молотком. Он чувствовал, что был близок к завершению. Несмотря на простоту дизайна, это было тем, что ящерицы еще никогда не создавали ранее.

А потом с еще одним ударом молотка его деревянный инструмент потерял свою хватку на горячем металле, и почти диск упал с камня.

По мере того как у металла появлялась округлая форма, возникло воспоминание, которые заслонило собой ту сцену, которую я видел через глаза ящерицы. Круглый кусок металла также появился в этом воспоминании, хотя его центр был полым. Я как в замедленной съемке наблюдал, как медно-оранжевая, нет, серебряная форма опустилась на пол. Она была инкрустирована драгоценными камнями, и я знал ее ценность, но даже не представлял редкость самого кольца. Стоимость кольца заключалась в том человеке, который носил его, и кому я подарил его очень давно, когда обещал любить его до конца своих дней.

Он ударился о землю с резким звоном. Сам по себе звук был тихим, но его эхо, которое прошло сквозь меня, заглушило все остальные шумы. Значение этого звука ударило меня, как молоток Коллекционера ударял по горячему металлу. Каждый сильный удар происходил в замедленном движении, последующие звуки отражались от стен и твердой земли, каждое новое эхо перекрывало другое. Оно, наконец, прекратило движение, но звук по-прежнему проносился эхом через мое почти полное сердце.

Я мог видеть только смутную форму перед собой, все, что осталось от моей существенной половины, моей лучшей половины. Они сняли кольцо по своему собственному согласию и бесцеремонно дали ему упасть на землю. Я был потрясен, зачем они это сделали? Мы должны были быть вместе до конца наших дней, мы обещали это друг другу. Но теперь он было разрушено, все было кончено. Я думал, что потерял всего себя в огне, но это одно кольцо действительно было последней частью меня. Последний след прежнего меня исчез из моего сердца с последним отголоском падения.

Я хотел вернуть кольцо на палец, на котором оно находилось в течение многих лет. Внезапная пустота внутри была настолько полной, что заставила меня отчаянно желать хоть чем-то заполнить ее. Даже если это было не по-настоящему, даже если бы мне пришлось сделать вид,

что это была правда, в конечном итоге это бы стало правдой, не так ли? Смятение чувств и эмоций захлестнуло меня, отчаянно желая вырваться наружу.

Но этому не суждено было случиться. Ярость заключалась в этих эмоциях, и она была мощной и ненавистной. Я задавался вопросом, почему они никогда не покинут меня? Я понял, что кричу, хоть и не понимал слов, я понимал, что они означали. Мне было больно, меня пытали; я не понимал. Хотел ли я вообще когда-нибудь понять? Грубые эмоции захватили меня, они были печальны, они были противны, они говорили неправду, в реальности которой я убедил себя.

В свою очередь на меня смотрели с жалостью и сожалением.

Нет, нет, не смотрите на меня так. Я заберу все свои слова назад, просто не уходите. Не отворачивайтесь, посмотрите на меня! Не уходите, вернитесь! Пожалуйста, не оставляйте меня, вы нужны мне! Не оставляйте меня одного!

Но я не сказал этих слов. Я держал их в себе, проглотил их, задушил их в себе и просто наблюдал за тем, как они ушли, безмолвно, но для моего собственного внутреннего смятения. Может быть, если бы я сказал что-нибудь, сделал что-нибудь, все было бы по-другому. Может быть, я был бы спасен. Но теперь мой последний спасательный круг исчез, и навязчивая идея, которая загнала меня в эту темноту, теперь могла поглотить меня полностью, и у меня не было никого, кто бы мог вытащить меня отсюда.

Я стал иррациональным, подавленным, каждая эмоция, которую я ощущал, была вырезана прямо из моей груди. Почему они не могли понять меня? Я думал, что они понимали меня лучше, чем кто-либо другой в этом мире, именно поэтому я любил их. Почему они не желали узнать правду? Как они могли жить, зная, что тот самый убийца, разрушивший нашу семью, по-прежнему был на свободе?! Почему я был единственным, кто чувствовал себя так?

Но теперь от меня ничего не осталось кроме безумия и желания, которые поглотили меня изнутри. Именно поэтому они ушли. Я перестал быть тем, кому они обещали свое сердце. Я даже не хотел быть спасенным от этой темноты, так как они не могли спасти меня, при этом они не хотели наблюдать за тем, как я все дальше погружался в забвение. Поэтому они ушли.

Тогда я стал по-настоящему одиноким.

<http://tl.rulate.ru/book/612/22850>